

1. Статьи

О.Б. Бубенок, Д.А. Радивилов

Киев

Народ *ал-арсийа* в Хазарии (из истории хазаро-хорезмских связей)

К большому сожалению, в настоящее время историки-медиевисты уделяют недостаточно внимания контактам народов Хазарского каганата и Хорезмского оазиса в VIII – X вв., что несколько десятилетий назад являлось объектом исследований С.П. Толстова [Толстов 1948, 226–228]. Причину этого забвения идей исследователя хорезмской цивилизации следует видеть в том, что некоторые авторитетные ученые считали, что С.П. Толстов преувеличивал роль хорезмского фактора в истории хазар. Тем не менее многие историки до сих пор продолжают обращать внимание на упоминания в письменных источниках среди жителей Хазарского каганата значительного количества мусульман, многие из которых являлись выходцами из Хорезма.

К их числу прежде всего следует отнести этническую группу *ал-арсийа*, происхождение которой вызывает особый интерес. Сведения об этом народе мы черпаем в первую очередь из сочинения ал-Масуди «Мурудж ад-Дзахаб», написанного в первой половине X в. Ал-Масуди сообщает: «Большинство в этом городе (или стране) составляют мусульмане, так как из них состоит царское войско. Они известны в городе как ал-ларисийа (арсийа, арисийа и т. д.), и они являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума (засуха и мор), и они переселились к хазарскому царю. Они доблестны и храбры и служат главной опорой царя в его войнах. Они остались в его владениях на определенных условиях, одним из которых было то, что они будут открыто исповедовать свою веру, иметь мечети и призыв к молитве; также что должность царского вазира будет сохраняться за ними, как и в настоящее время вазиром является один из них, Ахмад б. Куйа (или Куба); также что, когда у царя будет война с мусульманами, они будут стоять в его войске отдельно и не будут сражаться, но что они будут сражаться вместе с царем против других врагов — неверных. В настоящее время около 7 тысяч из них садятся на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики, вооруженные как обычно у мусульман. У них есть и мусульманские судьи». [Минорский 1963, 193–194; Голб, Прицак 1997, 72–73]. Кроме того, в другом фрагменте упомянутого сочинения ал-Масуди подчеркивал особое положение в Хазарии ал-арсиев, которые составляли основу постоянного хазарского войска: «Среди восточных царей этих стран только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье. Всякий

мусульманин в тех краях называется по имени этих лариси» [Минорский 1963, 194].

В этом же сочинении «Мурудж ад-Дзахаб» ал-Масуди отводит арсиям роль одних из главных действующих лиц при описании драматических событий 912–913 гг. По его данным, войско русов на 500 кораблях, на каждом из которых было по 100 человек, вошло в Керченский пролив. Тогда же русы направили послание к хазарскому царю с просьбой получить разрешение проплыть вниз по его реке (Волге) в сторону Хазарского (Каспийского) моря. За это русы пообещали хазарскому царю половину добычи. Когда разрешение было получено, то русы поднялись вверх по Дону до переволока и перетащили свои суда к Волге, а оттуда беспрепятственно спустились к Каспийскому морю. Разбившись на отряды, русы стали опустошать прибрежные области Гиляна, Табаристана, Азербайджана и Ширвана, населенные мусульманами. Наконец, набрав много добычи, русы двинулись в обратный путь в устье Волги и послали хазарскому царю условленную долю добычи. И именно тогда на сцене появились арсии, очевидно отсутствовавшие в хазарской столице в момент начала похода русов. По словам ал-Масуди: «Арсия и другие мусульмане, [проживающие] в хазарской земле, узнали, что сделали [руссы], и сказали хазарскому царю: “Дай нам возможность [разделаться] с этими людьми. Они напали на земли наших мусульманских братьев и пролили кровь, а также поработили их женщин и детей”». Так как хазарский царь был не в состоянии противостоять своей гвардии и не хотел нарушить данное русам обещание, то он послал к русам тайное сообщение о решении хазарских мусульман сражаться с ними. Ал-Масуди сообщает о дальнейших событиях следующее: «Мусульмане собрались, пошли навстречу им [руссам] вниз по реке. Когда они [два войска] встретились, то русы высадились со своих судов, мусульман же было 15 тысяч на конях и с оружием, и [сверх того] с ними были христиане, живущие в городе Атель. Битва длилась три дня, и Бог помог мусульманам. [Русы] были поражены мечом, убиты и потоплены. Всего убитых мусульманами на берегу хазарской реки насчитывалось 30 тысяч. Только 5 тысяч из них бежало и смогло вернуться на суда, достичь другого берега [реки Атиль/Волги], который находится по дороге в страну буртасов, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями страны буртасов, а кто попался к мусульманам в стране болгар, и те убили их» [Гаркави 1870, 130–133; Артамонов 1962, 370–371; Голб, Прицак 1997, 73–74].

Кроме того, другие мусульманские авторы, говоря о составе хазарского войска, среди наемников хазарского царя подразумевают арсиев, но не называют их. Так, в начале X в. Ибн Русте сообщал: «Конное царское войско состоит из 10 тысяч всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании у царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности» [Хвольсон 1969, 18]. Сопоставив данные ал-Масуди об арсиях с данным сообщением, можно прийти к выводу, что из 10 тысяч постоянных конных воинов хазарского царя 7 тысяч составляли арсии, которые являлись наемниками. Отсюда можно сделать вывод об арсиях как об ударной силе хазарского войска, что должно свидетельствовать об их значительных позициях в хазарском обществе.

Кроме того, Йакут, со слов Ибн Фадлана, утверждал, что над мусульманами Итиля начальствует один из рабов-гвардейцев царя, называемый *хаз*, что, очевидно, должно означать титул *везир*, зафиксированный ал-Масуди. В. Тоган склонен был даже рассматривать слово *хаз* как испорченный термин *хан* [Захoger 1962, 156–157]. На основании этих данных письменных источников Б.Н. Захoder сделал вывод, который не вызывает особых возражений: «Ларисийа представляли собою в Хазарии замкнутую группу населения; согласно приведенному выше сообщению, Йакута — Ибн Фадлана, стоявший во главе этой группы везир, или *хаз*, имел право юрисдикции. Судя по характеристике Мас'уди хорезмийцев как преимущественно конного войска, ларисийа были скотоводами, имели выючный скот» [Захoger 1962, 157].

Б.Н. Захoder, как и некоторые другие исследователи, считал, что имя везира арсиев — Ахмад ибн Кувейх было связано с иранской традицией, потому что «во второй части этого имени мы структурно различаем то же иранское прикаспийское имя, что и у эпонима династии Бувейхидов» [Захoger 1962, 157]. Подобного мнения о происхождении второй части имени везира арсиев придерживается также О. Прицак: «Имя *Куяа (Куйе)* иранского происхождения. Подобно *буяа (буе)*, по буквам ВУУН), которое произошло из авестийского *баоуа* (санскритское *bhavya*, «счастливый»), форма *Куяа* развилась из древнего слова **каоуа*, которая имеется в Младшей Авесте: *каоуа*, в частности, Кави (священная иранская правящая династия)» [Голб, Прицак 1997, 75–76].

В своих этимологических поисках О. Прицак пошел дальше, что позволило ему сделать весьма интересный вывод. По его наблюдениям, форма наименования Киева в виде *Куйаба* встречается в источниках не ранее первой половины X в. Именно в то время военным министром в Хазарском государстве был предводитель арсиев Ахмад б. Куйа. О. Прицак посчитал это не простым совпадением и попытался связать происхождение названия города *Куйаба* с именем отца предводителя арсиев — *Куйа*. Лингвистически это обоснование выглядит следующим образом: «В восточных иранских языках, к которым относится хорезмийский и согдийский (надо вспомнить, что только хорезмиец мог занимать пост главы вооруженных сил Хазарии), суффикс прилагательных /*awa*/ был типичным. Если суффикс /*awa*/ добавить к имени **Kuja*, тогда в соответствии с фонетическими законами возможно только слово **Kujaba* — древнейшая форма наименования Киева» [Голб, Прицак 1997, 75–76]. В соответствии с этим был сделан вывод, который со стороны некоторых исследователей, вызвал резкие возражения: «Киев возник не ранее VIII в., а наименование Киев не встречается раньше начала X в. Поэтому ничто не мешает нам полагать, что хорезмиец *Куяа*, министр вооруженных сил Хазарии, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости. Таким образом, название Киева в его древнейшей неславянской форме с точки зрения лингвистики отражает его хорезмийское (восточноиранское) происхождение. Однако в культурном и политическом отношении оно должно быть признано хазарским (каварским и оногурским) элементом». В соответствии с этим, по мнению О. Прицака, Киев оставался под властью хазар до 30-х гг. X в., пока не был захвачен князем Игорем. Что же касается Олега, то он, по убеждению О. Прицака, никогда не правил в Киеве. Кроме

того, происхождение полян, центром которых был Киев, О. Прицак склонен был связывать с хазарами [Голб, Прицак 1997, 66–96].

П.П. Толочко категорически не согласен с выводами О. Прицака и как самый главный аргумент против версии об основании Киева хазарами приводит данные археологии: «Адже коли б версія про хозарський Київ була правильною, ми вправі були б чекати від його археологічних розкопок таких самих матеріалів, що знайдені в Саркелі, Ітілі (? — О. Б.), Салтові, інших хозарських центрах. О. Прицак археології не торкається зовсім. А шкода. Коли б він звернувся до даних археологічного вивчення Києва, то побачив, що його матеріальна культура характеризується місцевою слов'янською самобутністю. Речі хозарського кола (так званої салтовомаяцької культури) в Києві зустрічаються в поодиноких екземплярах і є мізерним відсотком загальної кількості знахідок. Не витримує випробування археологією і твердження про побудову Києва не раніше першої половини IX ст. Матеріали, що свідчать про розвиток на київських горах важливого адміністративно-політичного і культурного центру полянського союзу племен, датуються VI–VIII ст.». Это позволило П.П. Толочко считать, в отличие от О. Прицака, полян не хазарами, а славянами [Толочко 1996, 35–39]. Однако если следовать этому, то нельзя отрицать того, что летописи сообщают об уплате полянами дани хазарам. Следовательно, отношения жителей города и хазарской метрополии могли носить обычный даннический характер. А это предполагает наличие в городе максимум небольшого гарнизона постоянных хазарских войск и торговой хазаро-еврейской колонии. Кроме того, вещи салтовского типа имеют распространение и за пределами Хазарского каганата как результат торгово-экономических связей. Поэтому незначительные археологические находки салтовского типа не могут подтверждать, что Киев подчинялся хазарам, и в то же время не могут отрицать этого.

Не менее категорично о гипотезе О. Прицака высказался в своих комментариях к книге «Хазарско-еврейские документы X в.» В.Я. Петрухин: «О. Прицак в большей мере ориентирован на еврейско-хазарские документы, сквозь призму которых он и рассматривает русскую историю. Отсюда — попытка реконструкции русской истории, во многом вступающая в противоречие с собственно древнерусскими и иными источниками». Особые возражения у В.Я. Петрухина вызвала предложенная О. Прицаком периодизация событий в истории Киева: «... и русская летопись, и восточные источники сообщают о том, что Киев принадлежал Руси уже в IX в. и оттуда Олег совершил свой победоносный поход на Византию, о чем свидетельствует договор с греками 911 г. Однако именно эта концепция была некритично воспринята как свидетельство хазарско-иудейского ига, угрожавшего не только зарождавшейся русской государственности, но и формирующейся русской православной культуре на протяжении всего X и даже XI века». Относительно же легенды об основателях Киева В.Я. Петрухин был не менее категоричен: «Вместе с тем очевидно, что киевская легенда о трех братьях — основателях города имеет книжный характер: имена братьев «выводятся» русскими книжниками из паименований киевских урочищ. Это делает малоперспективными попытки искать исторические прототипы для основателей Киева — будь то легендарный славянский Кий или «реконструируемый» хазарский Куйя» [Голб, Прицак 1997, 196–197; 211–212].

В ответ на эти замечания О. Прицак привел новые аргументы в пользу своей гипотезы: «Наш анализ, который легко может проверить любой арабист, заключается в себе очень важные факты из истории Восточной Европы: 1) Ни один арабский источник девятого века не упоминает имени Киев. 2) Киев выступает в арабской географической литературе впервые около 930 – 950 гг. 3) Ни один арабский источник десятого столетия не связывает Киев со славянами. 4) Географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль впервые упоминают Киев около 930 – 950 гг. как политическую единицу, параллельную Руси и Булгару /на Волге/ и независимую от обоих. 5) Эти же географы не называют Киев как один из трех центров Руси, а как место пребывания князя одного из трех видов Руси» [Голб, Прицак 1997, 224–225].

Оппоненты О. Прицака подвергли критике многие спорные моменты в его гипотезе, но не обратили внимание на одну элементарную арифметическую ошибку, содержащуюся в соответствующем разделе монографии. Так, относительно времени правления Куйа О. Прицак отметил: «Ахмад бен Куйа был хазарским вазиром, когда ал-Масуди составил свой труд, то есть в 30 – 40-х годах X в. Куйа (КWYH) было имя отца вазира. Поскольку в кочевых империях, особенно имеющих тюркские династии (как в хазарской державе), должности министров были наследственными, то можно предположить, что Куйа был предшественником Ахмада (или его старшего брата, если таковой был) в должности вазира. Таким образом, в течение последнего десятилетия VIII в. и в первом десятилетии IX в. должность главы вооруженных сил хазарского государства занимал Куйа» [Голб, Прицак 1997, 75]. Относительно последнего вывода можно только высказать сомнение и посчитать это лишь опечаткой. Не мог разрыв между пребыванием сына и отца на наследственной должности составлять более 100 лет. Поэтому была бы более правильной иная формулировка: «В течение последнего десятилетия IX в. — в первом десятилетии X в. должность главы вооруженных сил хазарского государства занимал Куйа». Однако О. Прицак не считает этот значительный хронологический разрыв ошибкой и связывает пребывание Куйа на берегах Днепра именно с первой половиной IX в.: «Хазарский вазир основал или укрепил гарнизоны на Днепре в качестве меры предосторожности после падения Аварской державы. Эта катастрофа должна была потрясти соседей. Внезапно исчезло могущественное политическое и экономическое образование, существовавшее в течение почти 250 лет... В источниках указано, что оногуры были совместно с аварами господствующим слоем в упомянутой выше империи. После разгрома Каролингами они частично мигрировали на восток, и тексты IX в. свидетельствуют об их активности на территории современной Украины. Для хазарской администрации было тогда несложно завербовать к себе на службу этих незанятых опытных воинов» [Голб, Прицак 1997, 75]. Однако разве не могло у хазар быть других врагов в районе Поднепровья в IX в. — варягов, венгров и т.п., когда хазары еще могли сохранять контроль над Киевом?

Даже если согласиться с предположением О. Прицака относительно того, что хронология событий в «Повести временных лет», дошедшая до нас в самых ранних списках XII в., могла быть изменена, то не следует полагать, что эти хронологические изменения составляли более 50 лет разницы. С другой стороны, нельзя игнорировать сведения ал-Масуди от 30 – 40-х гг. X в. о том, что предшественника

современного ему предводителя арсиев — военного министра хазар звали Куяа. Поэтому если считать хронологию «Повести временных лет» близкой к реальности, то события второй половины X в. можно представить следующим образом.

В 60–70-е гг. IX в. хазары продолжали еще сохранять свой протекторат над Киевом, первоначальное название которого нам не известно. В это время в Поднепровье активизировали свою деятельность варяги-викинги. В ответ на это хазарский царь послал в Киев занявшего незадолго до того должность военного министра хазар — преводаителя арсиев Куяа. Тот построил или укрепил в Киеве крепость, в соответствии с чем в мусульманских странах город стали называть по имени строителя крепости — *Kujaba* — «Крепость (город) Куяа». Вполне возможно, что именно после этих событий у местных полян могла оформиться легенда об основателе Киева — Кие. Однако эти меры не спасли Киев от завоевания варягами и их союзниками, что нашло отражение в том разделе «Повести временных лет», где содержится легенда об Аскольде и Дире: «И бяста у него (Рюрика. — О. Б.) два мужа, не племени его, Аскольдъ и Дирь, по боярина, и та испросистася къ Царюграду с родомъ своимъ, пойдоста по Дънепру, идучи мимо, и узреста на горе городок и въспрошаша, ркуще: «чий се городъ»? Они же ркоша: «была суть три братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша город сий, и изыгыбоша, а мы седим роды ихъ и платимы дань Козаромъ, Аскольдъ же и Дирь остаса в городе семь, и многы Варягы съвокуписта; и начаста владети Польскою (полянскою. — О. Б.) землею» [*Ловість врем'яних літ* 1990, 30–31]. По-видимому, только лишь после этого в Киеве мог появиться Олег или Игорь — в соответствии с мнением О. Прицака. Вполне возможно, что только в начале X в. военным министром хазар мог стать сын Куяа — Ахмад б. Куяа, который к тому же мог унаследовать власть не от отца, а от старшего брата.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос о времени переселения арсиев в Хазарию из Хорезма. У ал-Масуди и у других мусульманских авторов не содержится упоминание о предшественниках Куяа. Следовательно, переселение арсиев из окрестностей Хорезма в Хазарию могло произойти или во времена жизни Куяа, или незадолго до него, т.е. в середине IX в. Однако об обстоятельствах и времени переселения арсиев в Хазарию ал-Масуди дает свою версию. В переводе В. Минорского она предстает в следующем виде: «В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю» [*Минорский* 1963, 193–194]. В варианте, предложенном О. Прицаком, перевод данного фрагмента несколько иной: «В древние времена, вслед за появлением ислама, появились в их странах засуха и мор, и поэтому они пришли к хазарскому царю» [*Голб, Прицак* 1997, 72]. Именно это туманное указание позволяет говорить о том, что причиной такой миграции могло быть стихийное бедствие в Хорезме и это переселение могло состояться в весьма значительный промежуток времени — с первых десятилетий VIII в. по вторую половину IX в.

В связи с этим необходимо отметить, что Б.Н. Заходер обратил внимание на то, что с сообщением ал-Масуди о переселении в Хазарию из Хорезма мусульман-арсиев может быть связано сообщение Димашки (XII–XIII вв.), который ссылается на не сохранившийся текст Ибн ал-Асира (XII–XIII вв.). Димашки сообщает: «И вот случилось у них то, что рассказал Ибн ал-Асир: правитель Константинополя во

дни Харуна ар-Рашида (786—809) изгнал нудеев из своего государства, а те направились в страну хазар, где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней, оставались [в этой вере] некоторое время. Затем воевало с ними войско из Хорасана, захватило города их, страну их, и они [хазары] стали подданными. Рассказывает Ибн ал-Асир также, что они приняли ислам в 254 (868) году; он указывает, что причиной принятия ими ислама послужило военное нападение тюрок. Вот они [хазары] попросили помощи от людей Хорезма, а те ответили: «Вы — неверные, примите ислам, и мы поможем вам». Те приняли ислам, за исключением царя их, и помогли им хорезмийцы, и отступили от них тюрки. После этого принял ислам и царь их» [Заходер 1962, 152]. Это же событие отмечено также в сочинении Ибн Мискавейха (XI в.) и в сохранившемся тексте сочинения Ибн ал-Асира, но там оно датировано не 254/868 г., а 354/965 г. [Заходер 1962, 157]. Это дало основания Б.Н. Заходеру сделать вывод: «Рассказ Димашки, как явствует из всего вышесказанного, объединил три исторических сообщения и представляет собою как бы хазарскую религиозную хронику X—XI столетий» [Заходер 1962, 153].

Говоря о времени переселения арсиев в Хазарию, необходимо обратить внимание на сообщение ал-Масуди, согласно которому арсии остались во владениях хазарского царя на определенных условиях: 1) «будут открыто исповедовать свою веру»; 2) «должность царского вазира будет сохраняться за ними»; 3) «когда у царя будет война с мусульманами, они будут стоять в его войске отдельно» [Минорский 1963, 194]. В данном случае обращает на себя внимание содержание этих условий. Поэтому можно предположить, что не арсии искали убежища в Хазарии, а наоборот — хазары пригласили на военную службу этих наемников-мусульман из окрестностей Хорезма. Создается впечатление, что в тот период не народ **ал-арсийа** переживал трудности, а хазарское правительство, возглавляемое царем-беком. Как считает большинство исследователей, наиболее сложным в истории Хазарского каганата являлся именно IX в. Именно в тот период бек попытался сделать иудаизм государственной религией и стремился оттеснить от управления государством кагана и связанные с ним роды хазарской знати. Это противостояние привело к гражданской войне, которая разгорелась в первой половине IX в. [Артамонов 1962, 325—327, 329—330; Плетнева 1986, 62—66]. Сложной ситуацией в Хазарском каганате воспользовались венгры, которые около 836 г. создали в степях Северного Причерноморья свое государство. Таким образом, кроме существования внутренних проблем, на западных границах Хазарского государства возникла также новая военная угроза со стороны венгров [Джукерман 1998, 663—688]. Поэтому будет логично предположить, что именно после 836 г. бек хазар мог пригласить на военную службу из Хорезма мусульман-арсиев, которые должны были контролировать ситуацию не только внутри Хазарского государства, но и на западных границах каганата. И это могло произойти при наличии денежных средств для содержания нескольких тысяч наемников. Весьма возможно, что бек мог получить их для этих целей от еврейских купцов-раданитов, т.е. после того, как он принял иудаизм [Pritsak 1978, 261—281]. Характерно, что в IX—первой половине X в. Хазарский каганат не вел ни одной войны с мусульманскими государствами. Это можно объяснить не только внутренними трудностями в

хазарском государстве, но и тем, что основу постоянного хазарского войска составляли мусульмане — ал-арсийа.

Таким образом, сочинения мусульманских авторов о хазарах не могут дать ответ на вопрос: когда и при каких обстоятельствах состоялось переселение арсиев из Хорезма в Хазарию? Исходя из контекста короткого сообщения ал-Масуди, необходимо в первую очередь связывать это событие не только с процессами внутри Хазарского каганата, но и с обстановкой, которая существовала в Хорезме в VIII — IX вв.

Неменьший интерес вызывает также происхождение арсиев. Среди многих исследователей получила распространение гипотеза, согласно которой этнические наименования с основой **Арс** были генетически связаны с названием сарматского племени **Аорсы**. Традиционно мнение, согласно которому этот народ издавна находился на территории Средней Азии и был известен на рубеже новой эры в китайских документах как **юэчжи** или как обитатели страны **Яньцай** [Мацулевич 1947, 133; Минорский 1963, 193—194, прим. 23; Добродомов 1989, 17—18; Lewicki 1976, 31—33].

Т. Левицкий и И. Добродомов склонны видеть в народе **ал-арсийа** потомков античных аорсов, но они совершенно не согласны с распространенным мнением, согласно которому этнический термин **ас** через промежуточную форму **арс** был связан своим происхождением с сарматским племенем **аорсы** [Lewicki 1976, 31—33; Добродомов 1989, 17—18]. Однако последнего мнения придерживались М.И. Артамонов, О. Прицак и другие исследователи [Артамонов 1962, 407; Голб, Прицак 1997, 160]. Наиболее обоснованный вид данная гипотеза приняла у В.Ф. Минорского, который полагал, что следы раннего **р** в этнониме **ас** можно найти, с перестановкой, в титуле хазарского полководца — **Рас-тархан**, который называет арабский автор второй половины VIII в. ал-Йакуби, и **Раж-тархан** в передаче армянского историка того же времени Гевонда. И поэтому ат-Табари, живший позже, на рубеже IX — X вв., по мнению В.Ф. Минорского, не случайно начальника хазарской гвардии назвал уже **Ас-тархан** [Минорский 1963, 193—194].

Обычно в пользу тождественности арсиев и асов приводят также сообщение хорезмийца ал-Бируни, который жил в XI в. Хорезмский ученый сообщает об изменении русла Амударьи, в результате чего были затоплены земли печенегов между Хорезмом и Джурджаном (Восточным Каспием. — О. Б.). Далее ал-Бируни сообщает о последствиях такого разлива Амударьи: «Она затопила много местностей на долгое время и разрушила (их) также; жители их переселились на побережье Хазарского моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь составленный из хорезмийского и печенежского». [Волин 1941, 194]. Комментируя этот фрагмент сочинения ал-Бируни, М.И. Артамонов без определенных на то оснований отметил: «В этом известии говорится о переселении в Хазарию ал-арсиев, язык которых действительно мог быть смешанным из иранских и тюркских элементов» [Артамонов 1962, 407].

Однако даже сторонники отождествления арсиев и асов обратили внимание на ряд несоответствий, которые существуют в данной гипотезе. Это касается прежде всего прямого отождествления Ас-тархана и Рас-тархана (Раж-Тархана). Исследователи уже давно обратили внимание на титулы, которыми был наделен Раж-Тархан как полководец хазарского царя «из поколения Хатирлитбер» (у Гевонда), Рас-тархан как «царь хазар» (у ал-Йакуби) и Ас-тархан как предводитель

войска тюрок родом из Хорезма (у ат-Табари и Ибн ал-Асира). Еще А. Крымский попытался дать этому свое объяснение, видя в этих трех персонажах одного человека: «Ще Табарієвому тексті суцций для Ас-тархана епітет «харизмієць» з'явивсь для цього хазарського воєводи виключно через незручний арабський алфавіт, попросту як покалічення отого самого епітета «Хат-Ирлитбер», що ми знаходимо в тодішнього історика вірменського» [Кримський, 198–200].

К. Цегледи, в связи с отмеченными событиями 758–765 гг., считает, что упомянутые ат-Табари тюрки и отмеченные ал-Йакуби и Гевондом хазары представляли собой отдельные народы. В соответствии с его мнением, тогда тюрки проживали на нижней Волге, а хазары — между ними и дагестанскими гуннами. Отсюда был сделан вывод, что Ас-тархан являлся хорезмийским наемником, стоявшим во главе дагестанских гуннов, потому что у Гевонда сказано о принадлежности Раж-Тархана к роду Хатирлитбер, упоминание о котором имеется в имени царя дагестанских гуннов Алпилитвер [Zegledi 1960, 75–88].

С последним предположением категорически был не согласен М.И. Артамонов, который также на основе сопоставления сведений упомянутых средневековых авторов отметил явные несоответствия в титулатуре Рас-тархана и Астархана, но дал свои объяснения этому: «Во главе хазар, вторгшихся в Закавказье в 764 г., стоял Рас-тархан, или Ас-тархан — фигура весьма загадочная при сопоставлении относящихся к нему различных указаний. С одной стороны, он был хорезмийцем, а с другой, «принадлежал к роду Хатирлитбер». В последнем обозначении заключается термин, уже встреченный в наименовании гуннского князя Алл-Илитвера (эльтебера), а именно, древнетюркский титул «йытывар», которым обозначались вассальные князья. В форме «балатвар» он известен у волжских болгар. Судя по этому титулу, род Хатир был одним из знатнейших у хазар. Но так как Ас-тархан был хорезмийцем, то он сам и его род нельзя считать собственно хазарским, хотя название Хатир и напрашивается на сближение с именем хазар — хазир. Титул «тархан» мог носить любой из приближенных кагана независимо от своего происхождения, тарханом мог быть и хорезмиец. Мог он быть и тарханом асов или арсов (рас), с которыми можно отождествить ларисиев — ал-арсиев — наемную гвардию хазарского царя, сведения о которой появляются у арабских писателей IX–X вв. Это тем более вероятно, что ларисии были среднеазиатского происхождения» [Артамонов 1962, 244–246]. В данном случае запутанная ситуация с именами, титулами и даже датами интересующих нас событий дает основания вновь обратиться к данным письменных источников.

История о хазарской царевне, которая стала женой правителя арабской провинции Арминия, Йазиде, содержится в сочинениях ал-Куфи, ал-Балазури, Михаила Сирийского, Агалия Манбиджского и других историков. Они сообщают, что именно ее смерть стала причиной вторжения хазар в период 762–765 гг. Однако сведения о предводителе хазар содержатся только лишь у ал-Йакуби, Гевонда (Левонда), ат-Табари и Ибн ал-Асира [Артамонов 1962, 241–247; Новосельцев 1990, 189–191].

У армянского историка второй половины VIII в. Гевонда дано описание событий, но без указания года: «Во времена своего управления (Армении) Езид отпра-

вил депутацию к царю северян, которого звали Хаганом, с целью породниться с ним, чтобы чрез то соблаusti мир с ним и с войсками хазарскими. Царь хазарский согласился выдать за него дочь свою, Хатун, и вместе с ней отправил большое число слуг, служанок и рабынь. Но Хатун чрез несколько времени умерла, и этим нарушилось мирное согласие между ними; потому что смерть ее приписали коварству. Собрав сильное войско, Хаган поручил его полководцу своему, **Раж-Тархану** из поколения Хатирлитбера, и отправил на страну нашу, находившуюся под управлением Езида. Рассыпавшись по северной стороне большой реки Куры, Хазары овладели многими областями: Хеджар, Кага, Остани, Марзнаньян, Габану, Гегаву, Шане, Биес, Хени, Кашбехчан, Хозмас — все области агванские; взяли и прелестное поле багасанское и увели бесчисленное множество стад и табунов. Также покорили семь областей царства Грузинского: Шучк, Квег-Ганор, Челдт, Цукет, Велисцихе, Тиапет и Ерк. И, набрав много добычи и пленных, возвратились в жилища свои. Хвастливый подагрик, управлявший между тем Арменией, не смел даже поднять головы своей, погружаясь в себя, равнодушно смотрел на разрушение страны нашей. Но чрез несколько времени тот же злодей (Езид. — *О. Б.*), который покрыл тенью землю агванскую, соединился с властителем Исмаильтян и отправил сына своего заложником в Сирию, а сам кончил жизнь свою от меча, недалеко от ворот агванских» [*Гевонд* 1862, 92–93].

Современник Гевонда, мусульманский автор второй половины VIII в. ал-Йакуби также сообщает о том, что в 758/759 г. «царь хазар» Рас-тархан совершил нападение на Армению (Арминию?). Наместник Армении Йазид бежал от хазар вместе с **Джибраилом** — командующим войском, которое направил аббасидский халиф ал-Мансур в Закавказье для борьбы с хазарами. В связи с этим халиф принял меры для укрепления закавказских городов. Поэтому он собрал по тюрьмам 7 тысяч пленных и отправил их в Закавказье, где они укрепили несколько пунктов, в том числе Баб (Дербент) [*Артамонов* 1962, 244].

У жившего несколько позже, на рубеже IX – X вв. мусульманского автора ат-Табари говорится уже не об одном походе хазар в Закавказье, а о двух. Так, первый поход состоялся не в 758/759 г., а на три года позже — в 762/763 г.: «В этом году (145 г. х.¹) тюрки и хазары выступили через Дербент и истребили в Арминийи² множество мусульман» [*Tabari*, Vol. VII, 649]. Упоминание же об Астархане у ат-Табари относится к 764 – 765 г.: «Затем наступил 147³ год. Рассказ о событиях, которые произошли в этом году. Из того, что случилось в этом году, — набег Астархана ал-Хваризми с отрядом тюрков на мусульман в области Арминийи, пленение им многих людей из числа мусульман и зиммиев⁴, вступление [Астархана и тюрков] в Тифлис, а также убийство ими Харба б. Абдаллаха ар-Раванди, с именем которого связывают [название квартала] ал-Харбийя в Багдаде. Как уже сообщалось, этот Харб находился в Мосуле с двумя тысячами воинов джун-

¹ 762 – 763 г. н. э.

² Арминийа — часть Северного наместничества Арабского халифата, объединявшая Арран и прикаспийские области, Картли и собственно Армению.

³ 764 – 765 г. н. э.

⁴ Зиммийи — иноверцы, признавшие власть мусульман и находящиеся под покровительством мусульманского государства.

га⁵ из-за положения с хариджитами⁶ в ал-Джазире⁷. Как только Абу Джафару⁸ стало известно о перемещениях тюрок, он направил для сражения с ними Джабраила б. Йахью, а Харбу написал приказ выступить вместе с ним. Харб выступил вместе с ним. Харб был убит, Джабраил потерпел поражение, и мусульмане, о [числе] которых я упоминал, пострадали». [Tabari, Vol. VIII, 7].

В «Истории» жившего на рубеже XII – XIII вв. арабского историка Ибн ал-Асира упомянуты только лишь события 764 – 765 гг.: «Затем наступил 147 год. Рассказ об убийстве Харба б. Абдалаха. В этом году Астархан ал-Хваризми с отрядом тюрок совершил набег на мусульман в области Арминийа и взял в плен людей из числа мусульман и зиммиев. Они (тюрки) вступили в Тифлис. [В это время] Харб находился в Мосуле с двумя тысячами воинов *джунга* из-за положения с хариджитами в ал-Джазире. Для сражения с тюрками ал-Мансур направил Джабраила б. Йахью и Харба б. Абдалаха. Они сразились с тюрками. Джабраил потерпел поражение, Харб был убит, а также было убито множество людей Джабраила». [Ibn al-Asir 1978, 22].

Сравнительный анализ приведенных текстов позволяет нам согласиться с мнением А.П. Новосельцева, согласно которому хазары вторгались в Закавказье дважды — в 763 г. (145 г. х.) и 764 (147 г. х.), что нашло отражение в тексте ат-Табари. Поэтому убедительным может являться вывод А.П. Новосельцева о том, что «некоторые источники (в частности, Левонд, а возможно, и Ибн ал-Асир), очевидно, смешивают эти два вторжения хазар» [Новосельцев 1990, 189–190]. Это же предположение подтверждают данные Феофана о двух походах хазар в Закавказье соответственно в 763 и 764/765 гг.: «763 (6255) г. В этом же году турки (хазары. — О. Б.) вышли из-за Каспийских ворот. Многих в Армении они убили, а многих взяли в плен и повернули назад.»; «764/765 (6256) г. В этом году турки снова вышли к Каспийским воротам и к Иверии. В войне с арабами погибли с той и другой стороны многие». [Чичуров 1980, 68–69]. Логичнее предположить, что ал-Йакуби и Гевонд упомянули Рас-тархана (Раж-Тархана) в связи с первым походом. Исходя из того, что он был назван в одном случае предводителем хазар, а во втором даже «царем хазар», имеет смысл попытаться объяснить его титул — **Рас-тархан**. Не исключено, что первая часть слова — **Рас-** может представлять собой арабский термин со значением «голова, главный». Следовательно термин **Рас-тархан** может являться не личным именем, а частично переведенным на арабский язык титулом тюркского происхождения — «Главный тархан», которому вполне могут соответствовать титулы «царь хазар» в тексте ал-Йакуби или **Хатирлишбер** у Гевонда. Это заставляет предполагать, что Гевонд для написания своей «Истории халифов» мог использовать сочинения мусульманских авторов, в результате чего термин **Рас-тархан** должен был трансформироваться в **Раж-тар-**

⁵ Джунг — регулярное войско.

⁶ Хариджиты — представители самой ранней религиозно-политической группировки в исламе, выступившей сначала против Али, а затем — против Умайядов и Аббасидов.

⁷ Ал-Джазира — часть Северного наместничества Арабского халифата, занимавшая территорию Верхней Месопотамии.

⁸ Абу Джафар — Абу Джафар Абдаллах б. Мухаммад ал-Мансур, второй аббасидский халиф (754 – 775 гг.).

хан. Упоминание же под 765 г. Ас-тархана — выходца из Хорезма, написание имени которого было подобным, могло заставить Гевонда и Ибн ал-Асира посчитать близкие по времени походы хазарских войск в Закавказье в период с 759 по 764 г. одним событием.

Поэтому можно вполне поддержать мнение А. П. Новосельцева, согласно которому Рас-тархан не мог иметь алано-асское происхождение [Новосельцев 1990, 119]. Следовательно, если Рас-тархан и Ас-тархан представляли собой двух различных хазарских полководцев, то гипотеза В.Ф. Минорского о связи титула хазарского полководца — **Рас-тархан** с арсиями ал-Масуди и асами Хорезма [Минорский 1963, 193–194] не имеет под собой оснований. Кроме того, необходимо учитывать то, что в конце VIII в. мусульмане-арсии не могли воевать против своих единоверцев арабов, подтверждением чего является информация ал-Масуди [Минорский 1963, 194]. На это еще обратил внимание М.И. Артамонов [Артамонов 1962, 246].

Было бы весьма нелогично говорить о трансформации этнонима **арс** в **ас**, если сначала в письменных источниках упоминается термин **арс**, а потом только лишь в начале X в. появляются сведения о народе «ал-арсийа». Еще историки античности Помпей Трог и Страбон сообщают что в I в. до н. э. жившие в Средней Азии кочевники-арсии (азианы) захватили Бактрию и Согд [Юстин 1955, 223, 242–243; Страбон 1964, 483–484]. Во II в. н. э. Птолемей упоминал племя **асии**, которое жило тогда в нижнем течении р. Танаиса (Дона). [Кулаковский 1899, 21–22]. В VII в. «Армянская география» упоминает на Северо-Западном Кавказе племенной союз **аш-тигор** [Патканов 1883, 30]. Исследователи видят в этом названии составной этноним **ас-тигор**, [Minorsky 1937, 445], что указывает на присутствие здесь асов [Minorsky 1937, 445]. В начале X в. об асах на Северном Кавказе сообщают Ибн Русте [Минорский 1963, 222], неизвестный хазарский автор «Кембриджского документа» [Голб, Прицак 1997, 138–142] и Константин Багрянородный [Constantinus 1829, 680].

Вполне возможно, что близкородственный аланам ираноязычный народ **асы** до II в. н. э. обитал в Средней Азии по соседству с аланами в районе Хорезма. В первые века н. э. произошла миграция части их в низовья Дона. После II в. н. э. народ **асы**, как и другие сармато-аланские племена, мог быть оттеснен новыми пришельцами-кочевниками в район Центрального и Северо-Западного Кавказа. До VII в. племя **асы** не играло заметной политической роли на Северном Кавказе. И лишь по мере усиления его политического могущества письменные источники времен Средневековья стали снова упоминать этот ираноязычный этнос.

Сообщение ал-Бируни позволяет согласиться также с мнением С. Волина, что «здесь мы имеем не легенду, а рационалистическое объяснение факта сходства языка аланов и асов с языком хорезмийцев» [Волин 1941, 196]. Исследования, проведенные А. Фрейманом, подтверждают факт наибольшего родства хорезмийского языка с языком современных осетин, этническими предками которых были ираноязычные аланы и асы. Это, по мнению исследователя, является лишним подтверждением происхождения аланов-асов из Хорезма [Фрейман 1951, 10–11]. В более позднее время этнические наименования **Ас** продолжали сохраняться в этнической номенклатуре родоплеменных подразделений узбеков и туркмен, а

также в названиях местностей в Хорезмском оазисе [Васильева 1977, 98; Толстова 1978, 10–11; Снесарев 1975, 85].

В данном случае необходимо исходить из того, что ал-Бируни локализовал переселившихся из Хорезма аланов и асов на восточном берегу Каспийского моря, а ал-Масуди упоминал об арсиях как о жителях Хазарии. Однако не стоит упускать из вида, что в VIII в. на службу к хазарам мог поступить предводитель хорезмских аланов-асов, известный в мусульманских источниках как *Ас-тархан*. Одно лишь это совпадение не дает оснований видеть в нем предводителя хазарских наемников *ал-арсийа*.

Против прямого отождествления хорезмских асов и арсиев может свидетельствовать также то, что этнические наименования типа *арс* также одновременно с этпонимом *ас* имели распространение в Средней Азии не только во времена Средневековья и в Новое время, но и в период античности. Так, во времена поздней античности Плиний упоминал народ «арсы» на территории современного Гилана, а Птолемей назвал «арсийской» местность в Гиркании [Мацулевич 1947, 133]. Известно, что в кушанское время в горах Копет-Дага проживало племя *Арс* [Добродомов 1989, 17–18]. В более позднее время в XIV в. мусульманский автор Шамс ад-Дин Димашки зафиксировал среди кипчаков племя *ал-Арс* [Добродомов 1989, 17–18]. Несколько десятилетий назад в районе Кучи в Восточном Туркестане был открыт язык, носящий название *arsi* [Мацулевич 1947, 133]. Кроме того, со времен позднего Средневековья в письменных источниках начало фиксироваться крупное туркменское племя *Арсари* [Кононов 1958]. Г.И. Карпов и П.Б. Арбеков одними из первых указали на возможную связь племенного названия арсаринцев с этническим наименованием *арси*, довольно широко распространенным в Средней Азии [Карпов, Арбеков 1930, 28].

Таким образом, имеются основания считать народ *ал-арсийа* и этнические группы асов и аланов близкородственными, но отдельными этносами, проживавшими во времена античности и Средневековья не только в Хазарии, но и в районе Хорезма. Сведения о нахождении этнической группы *ал-арсийа* в Хазарии могут свидетельствовать о том, что, несмотря на принадлежность правящих кругов Хазарского каганата и раннесредневекового Хорезма к различным религиям, связи между населением Хазарии и Хорезма в IX – X вв. не ограничивались только торгово-экономическими отношениями, но и предусматривали военное сотрудничество.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
Васильева Г. П. Этнические компоненты в составе туркмен // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977.
Волин С. К истории древнего Хорезма // Вестник древней истории, 1941, № 1.
Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Санкт-Петербург, 1870.

- Гевонг В. История халифов. Санкт-Петербург, 1862.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва — Иерусалим, 1997.
- Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Имя — этнос — история. Москва, 1989.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Москва, 1962.
- Карлов Г. И., Арбеков П. Б. Салыры (Салоры) // Туркменоведение, 1930, № 6 — 7.
- Кримский А. Ю. Хазари. Т. II. // Институт рукописей Национальной библиотеки им. В. Вернадского. Ф. XXXVI. № 65.
- Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. Москва — Ленинград, 1958.
- Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.
- Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография. Т. VI — VII. Москва — Ленинград, 1947.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X — XI вв. Москва, 1963.
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXXVI. Санкт-Петербург, 1883.
- Плетнева С. А. Хазары. Москва, 1986.
- Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Снесарев Г. П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX вв.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1975.
- Страбон. География. Москва, 1964.
- Толочко П. Київська Русь. Київ, 1996.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва — Ленинград, 1948.
- Толстова С. П. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии. Москва, 1978.
- Фрейман А. А. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. Т. I. Москва — Ленинград, 1951.
- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даства. Санкт-Петербург, 1869.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 — 889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Москва, 1980.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiae Philippicae» // Вестник древней истории, 1955, № 1.
- Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae. L. II. Bonnae, 1829.
- Ibn al-Asir. Al-Kamil fi Tarikh. Beirut, 1978.
- Lewicki T. Un peuple iranien peu connu les «Arsija ou Orsiya» // Hungaro — Turcica. Studies in Honour of Julius Nemeth. Budapest, 1976.
- Minorsky V. Hudud al-'Alam. The regions of the World. London — Oxford, 1937.
- Pritsak O. The Khazar Kingdom conversion to Judaism // Harvard Ukrainian studies, 1978, vol. II, N 3.
- Tabari. Tarikh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VII.
- Tabari. Tarikh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VIII.
- Zegledi K. Khazar Reids in Transcaucasia in A. D. 762 — 764 // Acta orientalia. 1960. XI.

